

Дягилев А.С.

Характер взаимоотношений княжеств и земель Северо-Восточной Руси и постзолотоордынских государств Восточной Европы в 30-е – 70-е гг. XV века

Определение характера политических взаимосвязей русских земель и государств, образовавшихся при распаде Золотой Орды, является одним из важнейших вопросов истории России XV в. Данная проблема напрямую связана с одним из центральных событий периода борьбы Северо-Восточной Руси за национальную независимость – свержением ордынского ига. В связи с значимостью, этой теме уделяли большое внимание практически все отечественные и зарубежные историки, занимавшиеся изучением политического развития русских княжеств и ордынских государств в XV в., хода их военного противостояния на протяжении ряда столетий. В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьёв, С. Ф. Платонов заложили основу в восприятие и трактовку отечественной исторической наукой вышеозначенных процессов и событий. В последующем данная тематика была исследована в работах и монографиях таких учёных, как Г. В. Вернадский, А. Н. Насонов, К. В. Базилевич, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, М. Г. Сафаргалиев, В. В. Каргалов, В. Д. Назаров, Ю. Г. Алексеев, А. А. Горский и многих других.

При всём обилии вышедших к концу XX века научных и научно-популярных работ, затрагивающих тему русско-ордынских отношений, состояние источниковой базы (многократно отмечавшееся исследователями как неудовлетворяющее нуждам отечественной науки), позволяет продолжать изыскания в данной области. В ходе работы над поставленной проблемой нами был выявлен ряд спорных, с точки зрения аргументации, вопросов – в их трактовке отечественной историографией. Вследствие этого была сделана попытка реконструирования картины политических процессов в Дешт-и-Кыпчаке в их взаимосвязи с характером устанавливаемых постзолотоордынскими государствами отношений с княжествами “русского улуса”. Важнейшей задачей в решении данного вопроса являлось определение той орды или ханства, чьи правители реально могли быть признаваемы русскими князьями в качестве своих сюзеренов. Разумеется, на роль правопреемника золотоордынских ханов могли претендовать практически все джучиды – правители соседних с Северо-Восточной Русью государств. Поэтому нам представлялось вполне вероятным то обстоятельство, что на протяжении рассматриваемого полувекового периода, в ходе борьбы различных орд за гегемонию в Дешт-и-Кипчаке, - в результате ослабления одних и усиления других, - осуществлялась переориентация вассальной зависимости русских князей.

Отправной точкой в реконструкции русско-ордынских политических взаимосвязей мы посчитали события начала 30-х гг. XV в., как безусловно свидетельствующие о наличии вассалитета московского великого князя. Имеется в виду известная поездка 1431–1432 гг. в Орду Улуг-Мухаммада князей Василия Васильевича Московского и Юрия Дмитриевича Галицкого, оспаривавших друг у друга великое княжение. Как показали события последующих десятилетий, ни один из правивших в Северо-Восточной Руси великих и удельных князей (будь то московские, тверские или рязанские), за исключением политических изгнанников, “князей-изгоев”, не посещал лично своих ордынских сюзеренов. Это обстоятельство справедливо объясняется в отечественной историографии рядом причин: большими убытками при поездках в Орду, а также личной опасностью в условиях обострившихся межордынских столкновений. Но главным, на наш взгляд, является ослабление механизмов военно-политического принуждения со стороны ханств, претендовавших на главенство над Русью.

Дальнейшее развитие событий представляется нам следующим образом. С нач. 30-х до сер. 40-х гг. XV в. русские князья, судя по всему, занимали выжидательную позицию, будучи втянутыми в междоусобицы и ожидая развязки противоборства в Дешт-и-Кыпчаке трёх крупнейших орд: Саид-Ахмада, Улуг- и Кичи- Мухаммадов. Исход борьбы в пользу последней в 1437 г., вероятно, вынудил московское правительство признать власть Кичи-Мухаммада над Московским великим княжеством и попытаться изгнать из пограничных районов бывшего сюзерена Василия II (который и утвердил его на московском престоле) – Улуг-Мухаммада с остатками его орды. Однако поражение московских войск под Белёвом (1437 г.) и местопребывание Орды Улуг-Мухаммада в 1438–1439 гг. в междуречье верховий Оки и Дона (откуда, надо полагать, был совершён набег 1439 г. на Москву) ставят под сомнение возможность осуществления беспрепятственных коммуникаций (в т.ч. для выплаты ордынского “выхода”) с Ордой Кичи-Мухаммада. Начавшиеся же междоусобицы в ордах Дешт-и-Кыпчака (1439–1440 гг.), отпадение Крыма (1443 г.) и образование там самостоятельного ханства вновь привело к тому, что великие княжества Северо-Восточной Руси заняли выжидательную позицию и отказались от уплаты дани до установления стабильности в регионе и окончательной развязки там военно-политической борьбы. Подобное положение, разумеется, не удовлетворяло ни одну из претендовавших на сюзеренитет сторон в межордынском

конflikте. Именно этим следует объяснять стремительные рейды на московские и рязанские земли ордынцев ханов Улуг и Кичи-Мухаммадов (1439–1445 гг.), царевича Мустафы (1443–1444 гг.). Московское и Рязанское великие княжества совместно боролись с грабительскими набегами, что свидетельствует об общности их внешней политики в исследуемый период.

События сер. – вт. пол. 40-х гг. XV в. внесли существенные коррективы в складывающуюся систему русско-постзолотоордынских отношений. Орда Кичи-Мухаммада была оттеснена за Волгу и, судя по всему, до начала 60-х гг. XV в. не оказывала влияния на военно-политическую ситуацию в прилегающем к русским землям регионе. Известные в истории прецеденты говорят в пользу того, что не ханы заволжских орд, владевшие Сараем, а ханы, занимавшие территории, непосредственно примыкавшие к русским княжествам обладали реальными правами сюзеренов Руси (как в случае со ставленниками Мамаю в 60-е – 70-е гг. XIV в. и вышеупомянутым Улуг-Мухаммадом в 20-е – 30-е гг. XV в.). Данное обстоятельство было обусловлено объективными причинами: правители орд, контролировавшие важнейшие пути к основным политическим и экономическим центрам Северо-Восточной Руси, к тому же имевшие значительные военные силы для угрозы их разорения, получали изъявления в покорности князей и “ордынский выход” с “русского улуса”. Поскольку Орда Кичи-Мухаммада (после расширения своих владений именуемая позже Большой Ордой) оказалась в сер. 40-х – кон. 50-х гг. XV в. фактически отрезанной от русских границ кочевьями Орды Саид-Ахмада и землями Казанского ханства, правомерен вывод о том, что более хан Кичи-Мухаммад русскими феодалами в качестве сюзерена не рассматривался. Этот тезис носит первостепенное значение, так как объясняет причину военных столкновений княжеств Северо-Восточной Руси с Большой Ордой в 60-е – 70-е гг. XV в.

Орда Кичи-Мухаммада была не единственной в данный момент (сер. 40-х – кон. 50 гг. XV в.), исключённой из борьбы за подчинение русских княжеств. Вышесказанное можно отнести также и к правителям Крымского ханства, вынашивавшим собственные великодержавные амбиции, но имевшим ещё менее реальных возможностей для их осуществления по сравнению с сарайскими ханами.

Анализ отрывочных сведений, содержащихся в летописях о становлении русско-казанских политических взаимосвязей сер. 40-х – 50-х гг. XV в., привёл к следующим выводам. Захватнические устремления хана Улуг-Мухаммада в отношении Московского, Рязанского великих княжеств и Мордвы в 1444–1445 гг. окончились включением в состав территории формирующегося Казанского ханства части мордовских, марийских земель и возобновлением сюзеренитета над русскими князьями. Отсутствие в летописях прямых указаний на подчинение Москвы казанским ханам объясняется, на наш взгляд, тем, что в 1445 г. была восстановлена существовавшая ранее зависимость великого князя московского Василия от хана Улуг-Мухаммада, что означало выполнение отработанных, за столетия ордынского владычества вассальных норм и обязательств. Именно поэтому летописцы зафиксировали лишь экстраординарную форму финансовых выплат хану – окуп за освобождение московских князей и бояр из ханского плена.

Русские князья, связанные вассальными обязательствами по отношению к казанским ханам, вынуждены были отвергать подобные притязания Саид-Ахмада, отряды которого на протяжении десятилетия (1449–1459 гг.), совершали опустошительные набеги на земли Северо-Восточной Руси вплоть до Москвы. Агрессивное ордынское государство Саид-Ахмада в конечном итоге перестало существовать около 1459 г., после военных поражений, нанесённых ему войсками Московского, Литовского великих княжеств и Крымского ханства. Следствием уничтожения данного государственного образования стала борьба Крымского ханства и Большой Орды за степные пространства от Днестра до Волги, а также начало походов на рязанские и московские земли сарайских ханов Махмуда и Ахмада, получивших доступ к русским границам. Сопоставление причинно-следственных связей военных конфликтов русских княжеств с Ордой Саид-Ахмада (1449 – 1459 гг.) и Большой Ордой (1460–1480, 1490-е^[*] гг.), позволяет сделать вывод о том, что мы имеем дело с аналогичными явлениями. В обоих случаях правители этих орд путём вооружённого давления пытались навязать свой сюзеренитет русским князьям и подчинить тем самым себе “русский улус”. Как свидетельствует ход военного противостояния, а также данные о дипломатических сношениях в мирные годы, княжества Северо-Восточной Руси успешно отстаивали свой суверенитет в отношении южных соседей на протяжении всего рассматриваемого периода.

Что касается сделанного ранее вывода о признании русскими княжествами власти казанских ханов, то анализ событий конца 50-х – 70-х гг. XV в. на восточных рубежах формирующегося Русского государства приводит нас к заключению, что реальное исполнение вассальных обязательств (главнейшим из которых являлась выплата дани) окончилось по инициативе московских князей Василия Тёмного и Ивана III в кон. 50-х – пер. пол. 60-х гг. Юридическое оформление независимости Московской Руси и находящихся в фарватере её внешней политики Рязанского и Тверского великих княжеств и Вятской земли, следует отнести к 1469 г., когда можно определённо говорить об установлении равноправных отношений этих государств с Казанским ханством.

[Примечание: * При редактировании в сборнике ошибочно опубликовано “1490”, а не “1490-е”, как в оригинале статьи].